

ЛЮДМИЛА ХОДЫНСКАЯ

МАСКАРАД БЛИЗНЕЦОВ

СТИХИ

*Светлой памяти моих родителей
Инны Ивановны Адамовой и Виктора Михайловича Адамова
посвящается эта книга*

Двое — это вселенная // остальное дрянь!

Я позволю себе краткую ретроспекцию, потому что посещал Литературный институт почти одновременно с автором книги. Атмосфера заведения внутренних правил не показывала, кроме официальных, естественно, не имела их или не осознавала своих регуляционных механизмов. Казалось — облапистый хаос на “Тверском бульваре, 25”, учение и искус были в предпочтении “духовного” значения темы самому искусству письма. Пропп, Штейнберг, Лотман, Иванов или Мелетинский выступали как интерпретаторы текстов и одновременно хранители культурного содержания. Кружок “ДООС”, инициированный Людмилой Ходынской и её коллегами, плюс преподавателями по классам Литературного института, кажется, обожал историческую и мифологическую перспективу — всякое содрогание и движение богов, героев и астрономических тел попадало в рифму и находило место в разговорном языке и в поэзии. И, конечно, лестница ментального и чудотворного постижения соблазняла, тем более, что на её ступенях были возможны самые рискованные сцены. Головокружительная эпоха! Настоящая атмосфера артистического школярства, поиск новых измерений и соответствий в кино, в научной мысли и в моде. Но при всех высотах, окружавших начинающего художника, вертикалях и обещаниях духовидческих традиций, оставалась проблема авторской одарённости, самого искусства письма. Многие обладатели “духовного” капитала писали дурно, хотя говорили прекрасно — в застолье и в аудиториях. Ведь “откровения” часто выглядят подстрочниками и не представляют из себя ценности из-за лапидарности записи и аллегорической прямоты образов.

В кругу Людмилы Ходынской драма становления метафоры, я бы сказал, была важнее других инициатив — в этом кипящем, воображающем себя, неадекватном, истерическом, восторженном, бросающемся в разные стороны и точно соблюдающим свои высокомерные границы студенческом социуме Литинститута начала 80-х. Платоновский “комбинезон любви” из Епифанских шлюзов” как раз был одной из популярных механических метафор, доставшихся от далекого начала 20 века. “Такую метафорическую “прямоту” поднимали на смех, а искали новое, не опошленное и не затёртое.

Дерзания вознаграждались, и Людмила Ходынская оказалась одним из художников, предложивших свой образный язык. Между пониманием мира со всеми его возможными трактовками и мощью его блаженной непостижимости было выбрано последнее: нет

трактовок, есть искусство. Людмила Ходынская принадлежит именно искусству, его опытности, эмпирике, интуитивному равновесию созвучий и диссонансов.

С этого начинается её письмо. С первооснов восприятия.

Эти вырезанные из чёрного дерева
фигурки
лица и сосцы заморских красавиц
запах шаманских наваждений —
моя впечатлительность обморочна

Тео

В её инструментарии — новые определения вещей и повествование о событиях, происходящих с этой мифологической вещностью. "Оания — моя новая страна..." Или другая страна — "Аркадия — страна ароматов // соломенных песков... втянутых в водоворот Ра // Арка пчелиных радуг..." Легко заблудиться в такой стране, если не знать "Мифов Народов Мира". Однако у Людмилы Ходынской своя мифология, свой способ полететь на Луну или прогуляться по джазовым кафе Амстердама. Иногда встречаются (может быть лукавые?) указания на свои правила пользования словом:

друг мой
читатель
умчимся с тобой
в жаркую дрёмность стихиры

я
не сектант
не туман навожу
не зазываю в квартиры

абракадаброй
тебя
не дразню
и авангардом не тычу

Курорты творенья

Одна из любимых тем Людмилы Ходынской — зеркала, двойничество, уподобление, несостыковка, несоответствие предназначений, полное совпадение, отождествление, клонирование, отражение и его искажения (и фонетические и графические). Но сколько бы не "ловил на сходствах" себя человек, миметические вещи не избавляют от одиночества творчества, от мелодии поиска.

Алексей Парщиков.

Дочь космического лова

Эсперанто звёзд - так я назвал поэтический язык Людмилы Ходинской однажды, в уже далеком 1996 году в своей статье на нидерландском «В Москве песня становится делом», опубликованной в амстердамском (Нидерланды) журнале «Славянская литература». Здесь, справедливости ради, считаю нужным заметить, что, хотя, речь в той статье шла также и о других двух поэтах, творчество которых и материалы представила мне Людмила Ходинская, всё же я был знаком более со стихами и поэтическими перформансами именно Людмилы Ходинской второй половины 90-х годов в Амстердаме - которые, в первую очередь, и вдохновили меня к подобному определению.

Поэтические самобытность и личный голос поэта, усиленные виртуозным и утонченным владением русского языка, выводят поэзию Людмилы Ходинской, несомненно, на профессиональный уровень.

страна ароматов
соломенных песков
каскадов лун и лун
втянутых в водоворот Ра
арка пчелиных радуг
в корриде взоров

Аркадия

Мне не однажды приходилось наблюдать, как мгновенно затихает публика в зале, когда Людмила Ходинская начинает читать стихи - удивительный эффект её интуитивной артистичности и особого чувства звука! У слушателя срывает, я бы сказал, не столько момент узнавания (поэтический мир Людмилы Ходинской достаточно многомерен), сколько желание вовлечённости. Согласованной вовлечённости в путешествие по её поэтическим «снам», в стихи, где она ведёт слушателя лабиринтной тропой ловко сплетённых созвучий, мелодичностью голоса, путём новых образных видов, сотворённых ею. Сейчас выступления Людмилы Ходинской не редки в Западной Европе, но, как мне известно, с начала 80-х годов её голос часто звучал и на различных поэтических подиумах Москвы.

В аспектах постижения мира у Людмилы Ходинской порой

прослеживается обертон иррациональности искусства - неприкосновенности, невозможности пользования его или объяснения посредством искусства чего-либо. Искусство в себе (позволим себе подобность определения немецкого философа Иммануила Канта - *вещь в себе*). В этом смысле некоторая загадочность, к примеру, поэмы Людмилы Ходынской «Замысел далее» выглядит оправданной. Концептуально намечая символическими штрихами и включением архетипов движение к иррациональному мышлению читателя, она приближается к нему через лирические оттенки.

в редких случаях
годно для проживания тело
а проникнись
пролей дождик
в ладошки листьев
не блеск - блеск

Замысел далее

Конечно, здесь можно сделать отсылку и к русскому футуризму начала двадцатого века, с его идеей зауми, и к поэтам символистам, заявлявшим о невозможности постижения мира путём рационального мышления. Или же к известному заявлению французского художника-концептуалиста Марселя Дюшона - «Искусство - всё, когда это делает художник». А «отец» немецкого звёздного романтизма Хёльдерлин - его отголосок несомненно прослеживается в романтико-лирических строках Людмилы Ходынской. Но какова бы ни была отсылка или платформа, от которой отталкивается поэт, дар - это та субстанция, которая сублимирует всё впитанное автором в её собственный оригинальный метафорический мир. Трансцедентный взгляд, необычный, художнический, взгляд как бы изнутри, создаёт особый ракурс видения, как в поэме, частично процитированной ниже, написанной автором в начале 70-х годов:

ты живая
вся светла от боли
ты из света соткана
живи во мне
дочь космического лова

Дочь космического лова

или:

Иуде открывается
за что - бог весть
такая ширина
познанья в минус
что в кривизне пространства
возникает плюс
всё тот же крест
что из себя сам вырос

Семь Ра - Крест пирамиды

Современный язык вполне состоятелен, как в передаче современной реальности, так и в раскрытии аспектов личностного сложного образного мира художника, заявляет автор. При этом одну из главных ролей в драматургии сотворения поэтического текста у Людмилы Ходынской играет неотъемлемая связь значения и звука. Структурная игра переплетённых языковых и визуальных симметрий-асимметрий и витальных сил создают энергетически заряженный текст.

лакает сон пушистый
из чаши СИАма
наркотик СОМа
КОМа блаженства
ДНО поцелуя

ЭРО

В одном из разделов работы "Курс общей лингвистики" выдающийся швейцарский лингвист, основоположник структурализма Фердинанд де Соссюр утверждает на примере индуистских текстов, трудов Вергилия и др., что древние духовные произведения содержат обилие анаграмм. В этих произведениях имена богов скрыты в простых словах и составляют собственный текст.* Для Людмилы Ходынской метафора и анаграмная подоплёка дают возможность выстроить

многомерный текст, лишённый всякой тривиальности. В её стихах нет места обыденности, но есть звёздная реальность, где значения, созданные языком, и аналогии могут передать высшее переживание.

«Эсперанто звёзд» (термин, напоминающий вдохновителя Людмилы Ходынской, великого футуриста Велимира Хлебникова) понимают только некоторые, однако, здесь перспектива для каждого.

Виллем Г. Вестстейн (Willem G. Weststeijn)

* В основном с содержанием этого труда Ф.Соссюра Л.Ходынскую познакомил в частных беседах в начале 80-х годов современный поэт, философ и переводчик Владимир Борисович Микушевич.

ЭРО

Виктору П.

чеТЬрнадцать
ТАнцев месяц сменил
заклинал ТЬму
ТЫ
ТАнцовщица ночи
ТЫ
вЛАделица ночи
веЛИколепна
ЛОвишь луну
ТЫ
невеСОма
СОН тяжелей твоего объёма
помощница сТАрателей ночей
крадущаяся ТЕНью
крадущая ТЕНЬ
охотница за ЛУнным
моЛОком
ЛАкает
 СОН пушистый из
 из чаши СИАма
наркотик СОМа
 КОМа блаженства
 ДНО поцелуя
 ДИН
 ДОН
твой колокольчик ВРЕМЁН
 безВРЕМЕНию
 ВЕРЕН
немо к тебе склоняется
ленивица опущенных глаз
дегустирует речи медоточивые
зависнув на крылышках эР оса
шкуркой пятнистого зверя
мягко стелется ЭРО
С

Масса цветка

Масса цветка
равна цвету мазка у Пикассо
где акварель –
это стрекозы лёт
остановленный полотном

на нём
барельефы ревнуются
и повинуются
жесту смотрящей влюбленницы

о, всех времен и народов художники -
палитра моей любви
художники
наматывающие ленту Мёбиуса
на небо глобуса

Семь Ра - крест пирамиды

РА
няет
ночь
фигуры
пустоты
Раскрытыми
насквозь глазами
и отп-
Равляет их
пасти стадами
бесчисленных пустынных
снов
пасёт Пастух -
фигуРа пустоты
Тот сон египетский в ночи - сон
вне
вре
меня
Сфи
нкс
он
каменный
пирамидными тяжел стадами
погонщик он крестов
мятущихся
Распятий по пустыне
все
чён
ных
в
пи
РА
ми
ды
ц
ветёт
миндаль
он горек алтарём
на вкус - он
молоко от дыма
делимо дерево иудино
словно
остов
всегда
на крови алость и
на крест
иуде открывается
за что - бог весть
такая ширина познания в минус
что в кривизне простРанства
возникает плюс
К
Р
КРЕСТ
С
Т что из себя сам вырос
все тот же

Аркадия

проносящееся безмолвие уст
древняя страна Аркадия
словно сухого водопада
из длиннот времени
тихий шелест

страна ароматов
соломенных песков
каскадов лун и лун
втянутых в водоворот Ра
Арка пчелиных радуг
в корриде взоров
где смерть -
победа
обоих участников игры

Аскорбиновая молитва

аскорбиновый Сириус
в горле застуженном
когда в сутках застряла
эта тёмная и вакхальная

но вот наконец
по лекалу креста
выткана заря пасхальная

обручение зеркала с ночью
отражений кольца
в утро прядёт
смерть подвенечная мается
идёт
сыплет алмазами рук...
курок рока блеснёт вдруг
изгибом месяца

жмётся Мария ближе
к своему сердцу
герметично кольцо её рта
поцелуй «навсегда»
и влечёт и пугает

холодно от повтора глаз
в которых Сахара пылает
в которых зной сжался в мираж
в которые шумер прохрипел:
«Е-шу»
и умер
но эхо продолжило:
«о, в пустого тела тень
не входи как входит каждый...»

в бабочку тунгусского лесоповала
я подглядывала
словно в замочную скважину
там Крестоносцы
галереей зеркал
вошли ко мне в дом
тоннельно и нотно
дали огонь с языка
поклонились ветром

веером рассыпались в прах
азбукой растаяли на губах
шепчущих...

аскорбиновый Сириус
не спасает Спасителя
но воскресению
способствует трижды

Урок рисования

to Ben B.

очень яркое солнце светит в этой южной стране
когда пальмовые паровозы пульсируют ветвями
ты наблюдаешь как ветер пролистывает паруса яхт
и в партере пляжа партнеры оспаривают первенство

пахнет кофе и бризом и павлины в верхнем углу картины
морской пены комочки тают на пальцах выбранных из воды ног
ты говоришь медленно вывязывая надлежащее как спицами
если добыча твоих глаз проходит мимо и очень близко

может быть тебе нравятся высокие сильные капитаны
я не уверен что на викинга похожу... что ты об этом думаешь
что птеродактили летали не очень высоко
и заварное солнце пили из деревянных чашечек...

это может быть мило и бабочка на твоём животе
раздумывает примеряясь это ли место
вдалеке мареводвигающееся корабельных кренделей
и тесто песка делают разговор вязким и неуместным

но смотри утрокладчики прибыли дружно
они все виды перелопатят и выстроят новые
а вечером астросеятель выйдет на неосвоенную дорогу
и сделает что? - звёзды зажжет и может быть ещё сверхновую

ночедобытчицы и свадьбозастройщицы бойко потрудятся
над продолжением человеческого рода ты улыбаешься
видишь как сладко утро в ночи купается
когда я рисую сны на их лицах

Прогуляемся по Амстердаму

прогуляемся по Амстердаму
потолкуем о марихуане
вечер стелит мягко разговоры
вечер туго стягивает взоры

забежим послушать джаз дождя
в «Альто» амстердамское ночное
у камина старомодно вдвое
без признания в любви... что для

нота дождь
сливалась с нотой джаз
в композицию ночной экстаз
выбрала до дна каприз струны
нота дождь
играя гамму «мы»

*) «Альто» - знаменитое ночное джаз-кафе в центре Амстердама

даже такую невинность как снегопад...

резиновым пол качается
мир шаром воздушным в руках
от дуновения может вдаль уплыть
и разорваться в прах
когда страх
надувными глазами

досок шахматные жизни
игральны они и тягучи
захочешь – растянешь черную до ада
а то убегаешь в белом

о, как тяжелят
они невпопад
даже такую невинность
как снегопад

Блудницы

*Священным блудницам Марие Магдалине, Астарте и др.,
вышедшим из патриархальных мифов о женщинах*

блуждают девушки
по лабиринтам ночи
бабочками на свечу слетаются
в гербарии попадают
в частные коллекции

и блуднице сияющей
сколько хочешь кричи
она свободой отверста
это её почин
и вклад в мировое устройство

трубадуры трубили
до красного месяца
венчая вино и невинницу
венецию и Винницу
блудниц -
с нежной страстью -
ты ждёшь их во мне не напрасно

всечастной летней сетью
звёздный дождь
вылавливает
совершеннолетних рыбок
от плавника до хвоста у которых
созвездия в зените
расчерчены по чешуе
но линияющие в рань

и только бабочки сыплются
из инь в янь
напоминая
двое - это вселенная
остальное -дрянь!

Коза Циолковского

стре-коза

день протянут ладонью моря
ладан иль ром?
шёпотно и смешно
зреет коза в огороде
день в синеглазьях стрекоз
весь из арбузной корочки луны
заброшенной за откос

соткан сотами глаз воздух
шмель звездочётные учит соцветья
догоняя башни бег вверх

а ты ещё ходишь прямолинейно?
просто взлетай прямоугольно!

Маргарита

Воздушный шлейф ее –
перистые отреченья
косы ветра
вплетенные полетом
в млечный жгут...
над всем живущим
тихо слышится –
нет
не дождь
зерно, упавшее в землю,
мурлычет свое воскресенье...
тело потом
и обнажённое лето
молью осыпья
звеняще сбрасывая струны
руна
наружу жены выходит невеста
когда сплетены полетом руки
словно потоки ветра
из нескончаемого сердца

Воз и вол Зов и лов

Возвышенность

возбуждает

возможность

возникает

возглас

возражения

волчок ветра прядет

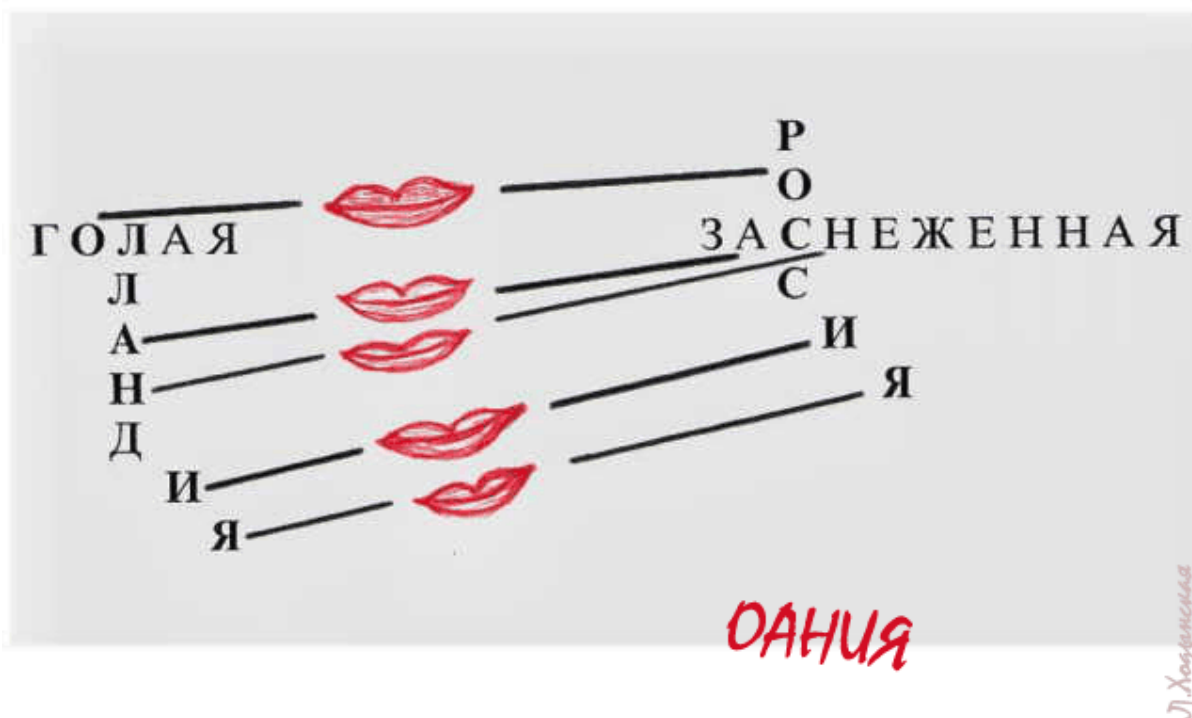
волокно волн

волк воли

волочит

вола боли

ОАНИЯ

ОАНИЯ – моя новая страна, сотворенная глубоко внутри и вербально возникшая из одинаковых созвучий, анаграммно содержащихся в названиях двух стран.

На рисунке одинаковые гласные в словах слева и справа образуют это слово.

Голландия это вода, ветры, эротика и свобода - то есть голая.

Россия в снежной шубе, закрепощенная, сумасшедшая, но сверкающая и красивая.

Произнося эти четыре слова – замедляя, растягивая и углубляя Л в слове *Голландия* и шипящие звуки в *заснеженной России* – вы сами почувствуете, какая большая разница между ними.

Но... они рожают ОАНИЮ и в ней примиряются и соединяются.

А губы – улыбки-лодочки, соединяющие созвучия двух стран, читатель может растолковать по собственному желанию.

*) Этот рисунок с текстом является эмблемой авторского проекта Людмилы Ходынской «Нидерландско-русские поэтические салоны в Амстердаме 1997-2000» в ознаменовании 300-летия связей между Нидерландами и Россией в рамках Государственной программы Нидерландов «Манифестации Петра Великого 1997»

Рисунок в оригинале выполнен в технике - масло, металл, холст, 140x160.
Частная коллекция, Амстердам, Нидерланды

Кот мне лапу даёт...

кот мне лапу даёт
я тебя не люблю
в кипарисовом вечнозелёном
пальто
затерялося дерево
и кое-кто
не из правильной чашечки
кофе всё пьёт
что мне делать с тобой
и с пустой простотой
и кота густота
в тёмной комнате спит
я не та кто считает таблицы обид
но тебя не люблю
так мне больше идёт!

Заглядывая в пра и про..

овалы значений в ночи собирались
в безмолвный незначимый рой
валы тишины неустанно вращались
в неведомой мне цеховой

качались как ватные мумии звуки
в сетях своего естества
не ведая перерождения муки
не зная друг с другом родства

до первопричин не стянулись начала
ещё... и язык не проник
как слово в себя - как дитя не вскричало
и мысль не спустила родник

на пси-заготовке цветущей поляны
иль в горном бурьяне ручья
навскид лишь примерены были стояны
задуманного бытия

природа искала как всё это склеить -
поляну со звуком рожка
и пра-голограмму по ветру развеять -
чтоб в яви пастух у стожка

майолика чувств на иллюзию смысла
положены были в напест
сошёл маскарад двух великих артистов
на улицы жизни в окрест

творенье - творца про себя сновиденье
взаимное как не понять
кружит маскарад - близнецов развлеченье
кураж бала - маски сменять

Орион

как это в доме твоём?
от треугольника тень - окружность
от яблока - груши тень
углы разевают рты оконнами спорами
красок оргазмы взрываются óрами
на полотне
кисти шныряют вперегонки

а я в доме твоём
меньше взгляда кроличьего
в котором предметы и тени не роняют

кто-то сугробы зимы ровняет
катками подошв зализанными
кто-то звёзды собирает и
в карман опрокидывает -
звон красивый

все занимаются чем-то:
серьги любовною пляскою с ухом
платье с телом -
марафоном кто лучше

а я шаги на снегу печатаю
у твоего дома спиралью времени
пока Орион с веревки соседской
бельё по ночам примеривает

Король метафор

А.Д. Толстому-Милославскому

улыбка - творенье карандаша
привычка дышать -
на автопилоте...
вот ангел огненный неспеша
приземлившись
как позолоту соскребают с себя
небо...

в лодочке накрахмаленных губ
желтый пух потерял знакомость...
это склонился ко мне
король лир, арф и труб
король метафор, игры в
невесомость

Замысел далее

белый
яркий
путь богов
человеков середина
стражей запретников урчащих

есть поверье
бабочка
взлетание
Кундалини и другие

когда ты богат
опасайся откровенности
если во сне довелось плевать
будут расходы
но радоваться если – к успеху
не следовать потоку

сознание вспышечно
шуточное соскальзывание
в грусть гнев
угрызение моргание
Спаситель сегодня
на тонкой ножке
бал-ан-сирует

одет в Предвечную Троицу
Ад или Мир Животных
а поди, сколько Миров!

того, что вокруг
малейшее колебание
тут же отзывается
рябь-мысль съезжает

в действительность
неизменно в трех-мер-и-е
банно
парно
графично

одна поэтесса неизменно
съезжает в слово лобок
другая теряется
в волосатости сосков
не помню точно
куда ее всасывает

но одно:
безбрежно небо
нёбо расчерчено звездами
по бокам месяц новый –
месяц старый
ротик-луна в новолуние

в редких случаях
годно для проживания тело
а проникнись
пролей дождик
в ладошки листьев
не блеск - блеск

мои сны не спят
активны на ощупь
небытийность не путать
с беспамятством
пробовать горб вкладывать
в горло
видеть ляжки во сне –
личные отношения

смешано два женских
и чистый пламень
жутко но допустимо
Юдоль раскручена
до скорости оси вращения
Западная влечется
к Восточной
остальное только к югу

безысходность –
вот что не знает
времени
вальяжна и вольготна
не выпнешь

в Свете радуги
однако Суть
нежно трон
разгадавший
за шею закинут череп
колокольчик
в трезубец бубнит
о замысле далее...

Манифест

я

принцесса лунноподданная

объявляю:

воссоединение всех времён

со всеми народами

и

присоединение времени

к пространству!

Близнецы

Алексю Парцикову

вот близнецы – любуйтесь
нежны и капризны в своем наважденье
мать зеркало родила
нутро высветила отраженьем

с медовым воем
сто тысяч сот несутся
радужку зрачка заполнить карим током
джин золотой в глазах
то вспыхнет... или затаится...
в корзиночку медового зрачка
ты собираешь зеркала

холодно от повтора глаз
раковина ушная размножена в тираж
код
копирующий нас
мы набираем себе в подтвержденье?

линия лепит повторный изгиб
бедер и мыслей
пальцев и губ
я повторяюсь без отраженья
страшно...

не позабудь
в мире волшебном
если идешь – не оглядывайся
видишь вино – не пригубь

Иштар

сшивает с нóчи
úтра тканьь
небесная швея Иштар
завязывает ловко звёзд лучи
в твои извечные мечтания в ночи

изнанку сердца – звездное нутро
в любовь вплетает
в слова полотно
в семь радужных невысказанных снов -
с тобой Иштар играет в звёздный лов

желание вплетает в дня узор
и встречей исполняет взор
и для тебя мелеет стая слов
когда попалась ты в её улов

Куб

краб полнолуния крадётся в комнату
куб краба - комната в полнолуние
кривоточие призрачных линий
иероглиф жалящей клешни пустоты

отдели Сириус от сурика

отделяется цвет от красного
небо отслаивается от звёзд
заклинание начертанное на стене
проявляется с другой стороны луны

отделяется Сириус от сурика

краб полнолуния кривизною крадётся
к изнанке стены - в зёркала королевство
двенадцать каверз небесного казино
замешаны в молочное нóчи тесто

Стрелец

Стрелец невидимой цели
из шелеста лук и стрелы
ширма из старого водевиля
спрячет в воде овода с девой
укроет их кашемиром ласк
одеяло исполнится смыслом
у простыней не хватит прохлады
и глаз бегущие искры
Рим подожгут вдалеке от Рима
швея проложила шов пчелиный
сшивающий кожу с мерцанием слов –
не опасайся кануть в звездный улов –
медовый рант опоясал тело
летит стрелец невидимой цели
он цел и цель цела поскольку туманна
огненная пляска глаз и яд шамана
на кончике языка
пейте чашу нас год лошади и год быка
яд ласк убивает слаще мышьяка
шов швея вышивает из падающих комет
тем, у кого аллергия на звезды
шов судеб не соединит
Стрелец невидимой цели в Зените
ты знаешь астральный язык
Близнецов сиамских?
это всего лишь приятное раскачивание нас
на самых воздушных шведских весах
вот они, прыгайте в эти чаши – они ваши!

Научи меня

to Willem W.

научи меня не подходить к тебе близко
к осторожности пристраститься
словно к пустой нирване
заключать кольца дыма в те О! немые
что бесстрастнее зуда на лунной коже...
с козырями в руках не сказать каприза
и в тоннеле зеркал не украсть взора
по лучу не кататься внутри кристалла
и во тьме не купаться как в бархате боли...
научи меня смерти как не неволе

Сон

я сегодня писала икону во сне
за плечо кто-то тронул
и я испугалась –
показалось
что утонул сон в том корабле
в море которого
наше веселье плескалось...
оглянулась и увидела
у бога твои глаза

нет во мне милосердной самаритяночки
но сестра ее – добрая китаяночка есть
вся из узких глазок и веера –
иероглифа эроса
и такая же неприкасаемая как твои глаза

в окна зарницы влетают
свет глаза затмевает
все боги на одно лицо
в тот миг

Тигр

навеяно поэзией Лусэберта

тигриный прыжок
расширит зрачок
барьеры предметов
эмоций и смыслов
и глаз окоём
раскроют пунктиры
своих легкомыслий
отверстый прыжок
и выпрыгнул ты
из шкуры пятнистой
надетой на даты
палаты психиатрических слов
прошли стороной
как прошли бы солдаты
у линии фронта в летаргическом сне
аккуратно и мерно
шаг заноса...
кто-то их в сон последний вознёс
не продолжающийся
в частицу ся...
а твой ленивый тигриный шаг
оставит след
где следа не увидишь
она
и по следу прочтет
как на идиш
по лёту узнает иврит не спеша
ты выпрыгнул между
летающею рыбой
и тихо плывущим орлом под водой
и если продолжить
где нет продолженья
ты выпрыгнул
между собой

*) Лусэберт - нидерландский поэт второй половины XX века

Курорты Творенья

сёти пристанища снов
коротки -
дети
пленённые ленным

стянут
на взбалмошный взвод тетивы
возраст
как военнопленный

переиначены
ночи на дни
еду
в Курорты Творенья

стану
месить непролазную тьму
грязей курортных
и бденья

много сказать -
ничего не сказать
хвастаться -
знаться с позором

мне бы
к пожару зари привязать
тропку
со тканым узором

мне бы свозить
фиолетовый вальс
к звёздам на бал
для знакомства

много чего
мне б затеять сейчас
экстравагантного
свойства!

друг мой
читатель
умчимся с тобой
в жаркую дремность стихир

я
не сектант
не туман навожу
не зазываю в квартиры

абракадаброй
тебя
не дразню
и авангардом не тычу

скромною дружбой
твоей дорожу
на расстояньи
без клича

эта интимность
природы иной
не различима
снабега

свойсвенна
лишь отраженью с тобой
в зеркале первого
снега

Лилит

я горлом держу трикотажа тумана
в лунах мечты и полынь - малина
щекоцет горло млечное млание
это - звёздная скарлатина
снег горизонтально падает

в море грёз...
но Лилит излечит
придёт и восторг голоса туго оденет в тогу
скарабей притащит круглого бога
он круглое О искалечит
и сделает из него двуногое

стон затихнет травой фланелевой
ты - Гомером слепым будешь твердить
свои длинные строки
будто ты не поэт
а пролив дарданеловый
перелистывающий дна осóки

Тео

в его лавке заморских диковин
есть нечто
не связанное с красотой предметов
и расшитый в нагоде белизны холст
он расшит крестом

может посетителю подсказать
что хозяин знаком
с магией реальностей
где всё относит ельное
где всё относи тельно
где всё от носительно
где всё от носителя

от меня
африканский колдун небом затяжелел
когда в его лавку вошла заподозрила сразу
слишком неотвратим был его взгляд
в суматохе рук угадывался манёвр
отпускающий внимание
но в действительности он вязал знаки:

нити свивающие нас
ключ у порога
четверг на пятницу
сурейку надетую на осень
войти не сходя с места
ничего а всё

я сразу поняла что он красив
отверсто красив
и всё в его лавке не связанное с красотой
именно потому и связано с нею

эти вырезанные из черного дерева фигурки
лица и сосцы заморских чёрных красавиц
запах шаманских наваждений -
моя впечатлительность обморочна -

я подаю руку
бормоча числа
а он кладёт в неё

Тепло губ
Елей чресел
Огонь глаз

это всё не закончилось
и не закончится никогда:
ещё должно родиться
небо

УРАРТУ

МОИ

утра

зарошены

МНЕ

Урарту

вспоминать нежится

ТАМ

утраты

МОИ НИКТО НЕ СЕЧЕТ

ЭТУ

тару

не взвешивает

не сценивает

ТАМ

торгуют

спасением

ТАМ

теряют

меня

МОИ

утра

в сон заброшены

Он

он умеет затеять слова
и бросаться ими словно снежками
догоняющими тебя
каждым звуком и смыслом
или вот вдруг
распустить их как петли
тёплого на тебя надетого свитера
и подбросить
ага -
ты хотела быть голой..

а когда
солнца тают стога
на его мускулистом животе
и пляж
дарит ему свои бегущие
всеми тропинками взгляды
он прекрасно молчит как садовник
цветущего поля
собирает цветы разноразные
в надлежащее роли
и слова на каникулах тоже

прежде чем ты
как догон внемлешь Сириусу
чтобы показать ему
звезду в небе яркую самую
вдруг найдёшь тонущей себя в рое шопота
...мы всех обманем под луной
и над луной обманем тоже
нежна под раннею звездой
твоя мерцающая кожа...

он наваждений полк почти
рисует Арктики просторы как эскиз
и простотой спрягает муляжи на бис
как если ожил фрукт
иль ягоды пошли стеной...
а вот ещё
недавней ночью бег
косых дождей его остановил
что сделал он -
он привязал их нити на ночлег

к узорам городской ограды крепко
и верная чугунная гряда
держала мокрых беглецов босых
до сáмого утра
до самогó под утро

я изловчусь однажды
улучу
изгиб эстетский слов его и мнений
и может он привяжет по лучу
к рисункам двух моих стихотворений

ЛЯ

я говорила тебе **ЛЯ**
улыбкой радужка зрачка мне вторила
творила **РЕ** и **МИ** коричневым теплом
плясала пеплом лёгким
но иногда глотала **ФА** и **СОЛЬ**
твоих непониманий хлёстких

химерой
манией но**СИ**лась гамма
из пары звуков *ю* и *ра*
клавиатуру заполняя **ДО**нельзя
в игрушечном раю рояля
небесного **АИ** жилья
жила ли я?

Разноцветными снегами

разноцветными снегами
начинается любовь
вышел звёздными стадами
небосвод из берегов

небо свитком развернула
в танце белая луна
и она и я друг-другу
суть одна на вечном круге

подойду неслышно к краю
исчезающего дня
тихим голосом растая
он умрёт внутри меня

разрастаясь до вселенной
пламенеющий закат
дню подарит света снежность
и окну зовущий взгляд

на небесном пустыре
возникают тени наши
и сердечный поводырь
разливает небо в чаши

Тени

Застигнутые тени на стене
ничьи
а просто бредящие тени
в нить разговора голосом вплести
о, да
пустить
со стен ступить
в постели
пусть отдохнут
пока исчезнет свет

и в голосе твоём
не те ли тени
шептать друг другу “да” и “нет”
наперебой
не зная лени
несутся
и где покой
и твой
и тени?
весь голос – тень
из тени голос вырос
сор вырыл
яму из себя
и может быть еще на вырост
чтоб увеличившись занять её опять

тень тени от-
деляется от
контура фигуры
и прижимается плотней к земле -
пугается
теряя беглеца
и нового владельца
снова ищет

Любви лекало

в пространстве твоего взгляда
жестов множество нежилось
припоминая меня

в пространстве этого холста
линии лелеяли друг-друга
предполагая вьюгу

пространство начала
переплавляет сквозняк зеркал
переполняя любви лекало

Эмоции движений

сегодня
не совпадая с собственной тенью
ты движешься
вне себя манекеном объатым ленью
ты улыбаешься
улыбка не совпадает с губ движеньем
растеряно
множество сопряжений
примиряющих
тебя с собою
как зеркало с отраженьем

предметы
контуры свои передвигали как хотели -
ты не противилась
затейливой канители
все жесты в один слетались
это
в тесном мире копыя метались -
в мире чужом

Златоуст

когда луна
взойдёт ала
и млечный чёлн
в лунамах сна
медовых пчёл
струится хор
холодных уст
желает жар
бежит восходом
птиц пожар
в крови моей
пой Златоуст
благую весть
и я проснусь
в лунамах сна
качает чёлн
и млечный дар
медовых пчёл
меня вскормил
и я одна
иду пылающей
тропой
раскрыт
летающий зодиак
как зонтик
под моей стопой

Дочь космического лова

Будущего сны пленены снова
отражением в ночном дожде
ты живая
вся светла от боли
ты из света соткана
живи во мне -
дочь космического лова

вечером мерцающие тени
упоенные мирским уютом
не печальтесь -
в небе тоже одиноко
в небе
как в заброшенном приюте
перед дверью нищенские сени

но за дверью
серебром звенит
колокольное в ночи круженье
в звёздном хороводе снег горит
странник
впереди себя идущий
вечный странник
вечный свет творит